

Институт российской истории
Российской академии наук

**ВКЛАД УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ
В СОХРАНЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ**

На материалах Комиссии
по истории Великой Отечественной войны АН СССР,
1941—1945 гг.

Центр гуманитарных инициатив
Москва—Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
В56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 14-31-12065

Отв. редактор С.В. Журавлев

Авторы текста и комментариев:

А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов,
Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов

В56 Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 383, [1] с.

ISBN 978-5-98712-530-4

Данная книга — первое в историографии исследование о вкладе ученых-историков и других гуманитариев в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Причем не в мирное время, а непосредственно в ходе войны и по горячим следам боевых действий. В центре внимания — история создания, основные направления и результаты деятельности, руководимой известным историком И.И. Минцем Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1941—1945 гг. Собранные ее сотрудниками документы, включая уникальный комплекс стенограмм бесед и интервью военных лет, долгое время оставались не востребованными. Одна из главных задач книги — дать представление об информационном богатстве этих источников и продемонстрировать их возможности для выяснения спорных моментов и развенчания современных мифов о войне.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-98712-530-4

© Коллектив авторов, 2015
© Институт российской истории РАН, 2015
© Центр гуманитарных инициатив, 2015

История 3

«Там была драма целая»: рассказ Н.М. Губарева об эвакуации Донбасса

Донбасс являлся важнейшим промышленным центром Советского Союза¹. Здесь были сосредоточены сталелитейные, станкостроительные и военные заводы, а также угольные шахты, снабжавшие предприятия всей страны, поэтому вероятная потеря этих территорий стала бы чрезвычайно болезненной для советской экономики. Чисто экономические соображения о важности района дополнялись идейными: Донбасс являлся «сердцем» стахановского движения. Кроме того, это был один из самых пролетаризированных регионов страны, а рабочий класс, как известно, фигурировал в пропаганде в качестве главной опоры советского строя.

В формировании классового мышления и советской идентичности важнейшую роль играли работники политического фронта. Одним из них был Николай Михеевич Губарев. Его биографию реконструировать пока не удалось. Даже в стенограмме нет обычных в таком случае подробностей его деятельности в военные годы. Тем не менее, его воспоминания представляют несомненный интерес как свидетельство о положении в Донбассе до оккупации и после.

Воспоминания Н.М. Губарева начинаются показом широкомасштабной мобилизации населения в первые недели войны. Описывается перевод местных предприятий на производство военной продукции, в особенности гранат для ополчения. В рассказе неоднократно подчеркивается их «неплохое» качество, правда, упоминается и то, что секретарь горкома, поехавший на испытание гранат, погиб из-за преждевременного взрыва.

Будучи политработником, лектором, Губарев делает особый акцент на пропагандистской деятельности. Перед нами предстает война глазами пропагандиста — со всей присущей ему спецификой отражения и осмысления реальности. Так, много внимания уделено описанию методов пропагандистской работы. Он показывает, как местные лекторы совершенствовали технику подачи материалов, дает конкретные рекомендации по проведению лекции.

---

¹ О регионе в годы войны см.: *Супруненко Н.И.* Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945). Киев, 1956; *Подвиг Донбасса.* Киев, 1975; *Ткаченко О.С.* Трудовой Донбасс — фронту: Исторические очерки. Донецк: Донбасс, 1995; *Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945.* Известные и неизвестные страницы истории. Донецк, 2008; *Жирохов М.А.* Сражение за Донбасс. Миус-фронт, 1941—1943 гг. М., 2011.

Особый интерес представляют эпизоды приезда бригады Е.М. Ярославского, в которую входили историки А.М. Панкратова и И.И. Минц. Перед нами редкое описание выступлений ученых перед аудиторией в годы войны.

Будучи заинтересованным в демонстрации эффективности партийной пропаганды, Губарев всячески подчеркивает энтузиазм масс, подогреваемый выступлениями лидеров страны и местных партийных функционеров. В связи с этим рассказ Губарева требует перепроверки с помощью других источников. Впрочем, из интервью можно почерпнуть немало интересных сведений. Очень быстро рассказ наполняется многочисленными фактами, явно не вписывающимися в пропагандистский дискурс.

Так, проскальзывает упоминание о рабочих, ведущих «контрреволюционную пропаганду». При описании эвакуации донбасских предприятий не скрываются возникшие сложности, чувствуется, что, по мнению интервьюируемого, эвакуация прошла не на высоте (плохо организованные перевозки, бегство начальства, мародерство). Высказывается глухое недовольство позицией сельских жителей: «У меня особое мнение осталось о наших колхозниках и неважное. То, что я видел своими глазами, когда немцы подходили и как себя колхозники проявляли, не похоже на то, что они колхозники». Любопытно, что Губарев, как политический работник, задачей которого являлось воспитание населения в духе верности «партии и правительству», подчеркивает политическую несознательность колхозников, точнее, их несоответствие тому, какими должны быть «настоящие» колхозники. Им противопоставляются настоящие коммунисты, которые мужественно делают порученное им дело.

Завершает интервью зарисовка о жизни освобожденного Сталино. Особенно интересна попытка рассказчика дать обоснование противоречивым настроениям местного населения. По его мнению, «плохие настроения» (сочувствие немцам и т.п.) могли возникнуть только у классово аморфных элементов: «Таких разговоров среди рабочих не услышите, а среди интеллигенции они есть». Помимо этого, указывается на ряд других «последствий» немецкой оккупации, в частности, распространение взяток. Таким образом, в картине мира Губарева справедливый советский мир и его жители были «деформированы» влиянием немецких захватчиков. Для него война — это столкновение коммунистической и шире — советской идентичности и основанного на ней кодекса поведения со стихией хаоса и несоветского мышления. Ясно, что свою задачу он видел в восстановлении советской жизни в освобожденном Донбассе.

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Стенограмма беседы с тов[арищем] ГУБАРЕВЫМ Николаем Михеевичем².

Беседу проводит тов. ЛИХТЕР Б.Л.
Стенографирует Шамшина А.И.

ГУБАРЕВ Николай Михеевич — лектор
Сталинского обкома ВКП(б).

Сталино³. Обком ВКП(б).
15 февраля 1944 г.

Родился я в 1907 году в Сталино. Отец шахтер, член партии. Сейчас два брата в армии, один брат учится, две сестры. С детства я нигде не учился. Начал учиться уже взрослым. Вначале брал учителя на дом, потом окончил курсы подготовки в вуз. Учился в совпартшколе и поступил в 1936 г. в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б)⁴ на партийное отделение. В 1937 г. нас выпустили. Приехал я с курсов, меня послали работать преподавателем на областные курсы. Когда курсы были ликвидированы по решению ЦК, я стал работать лектором, с 1938 г. Член партии с 1927 г.

В апреле 1941 г. были организованы межобластные курсы в Мариуполе. Я попал преподавателем на эти курсы. Там занимались до 22 июня. 22 июня сообщение, что началась война. До 1-го июля мы там пробыли. С 1 числа курсы были распущены до особого распоряжения, и мы опять поехали читать лекции. Созвали нас в обкоме. Между прочим, был сразу же проведен митинг по всем промышленным предприятиям, учреждениям, городам. Как народ на это реагировал в первые дни войны? Народ говорил по адресу Гитлера: сколько волка ни корми, он в лес смотрит. Наша задача сейчас все силы бросить на то, чтобы поддержать государство в борьбе с немцами.

Выступление товарища СТАЛИНА от 3 июля⁵, его призыв к созданию народного ополчения. Донбасс весь покрылся ополчением и истребительными батальонами. Не было ни одного предприятия, чтобы не было создано народное ополчение или истребительный батальон. В это время я уже работал в Сталино. Здесь на всех заводах, по учреждениям были созданы отряды народного ополчения, были десятки тысяч людей. Не было речи о том, кто здоров, кто болен. И старики, и среднего возраста, и подростки шли в народное ополчение.

² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. III. Оп. 9. Д. 6. Л. 1—5.

³ В 1869—1923 г. город назывался Юзовка, с 1961 г. — Донецк.

⁴ Высшая партийная школа (ВПШ) при ЦК ВКП(б) — высшее партийно-политическое учебное заведение для подготовки партийных и государственных кадров. Существовало в Москве с 1939 по 1978 г. Губарев, вероятно, имеет в виду предшественника ВПШ, Высшую школу пропагандистов им. Свердлова.

⁵ Первое публичное выступление И.В. Сталина по радио с начала войны.

Попутно с народным ополчением создавались и истребительные батальоны. Они находились на казарменном положении. У нас в обкоме была специальная комната, кровати поставлены, где они могли бы находиться. Например, в Тельмановском районе, село Старая Корань, где был я, был организован большой зал, поставлены кровати. К счастью, они были вооружены, у них были винтовки, стоял дежурный.

Это была такая народная волна. Когда это было создано, с первых дней началось усиленное военное обучение. Рабочие работают 8 часов. Раньше они работали 6 часов, а после выступления т. ШВЕРНИКА⁶ и решения ВЦСПС⁷ начали работать немножко больше. В военное время не стали считаться с рабочим днем, и 9 и 10 часов. После окончания работы рабочие собирались на военные занятия в истребительные батальоны⁸ и полки народного ополчения⁹. Все это дело было неплохо организовано, инициатива была большая.

Когда проходили митинги в первые дни войны, очень многие изъявили желание и шли добровольно в армию, не ожидали мобилизации, хотя возраст их не подлежал мобилизации. У нас ушел, например, один СИГАНОВ Александр Васильевич. У него такая получилась трагедия. Он был мобилизован в Западную Украину на ра[л. 1 об. / с. 2]боту, т.к. он сам русский, даже с белорусским акцентом, попал во Львов, не зная укр[аинского] языка. Его отпустили, а семья его там осталась. Приехал сюда, началась война, и он не успел вывезти семьи. Он недели две ходил в военкомат, его не принимают. Наконец, его военкомат взял.

В Красноармейске стоял гарнизон. Там были не только мобилизованные, но и добровольцы. Шли шахтеры. Массово их нельзя было отпускать, но в армию отпускали. Это были только кадровые рабочие. Они в гражданской войне принимали участие, тогда воевали с немцами и сейчас идут. Я уже не говорю о молодежи. Там было повальное увлечение. Я как-то читал лекцию в Амвросиевке. Там при мне рабочие записывались: А меня! А меня! Это было уже после выступления товарища Сталина и приезда ЯРОСЛАВСКОГО¹⁰.

Когда встал вопрос о вооружении народа, тогда поднялась инициатива местного производства вооружения. Нужно было людей вооружить, а оружия

⁶ Шверник Николай Михайлович (1888—1970) — советский государственный деятель. В 1938—1946 г. — председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР. В годы войны также являлся председателем Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

⁷ Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов — руководящий орган советских профсоюзов. Речь идет об одобренном руководством профсоюзов решении о введении в СССР после начала войны чрезвычайного трудового законодательства, предусматривавшего увеличение продолжительности рабочего дня, отмену регулярных отпусков и выходных.

⁸ Добровольные военизированные формирования для борьбы с диверсантами, шпионами, мародерами и т.д.

⁹ Добровольческие воинские формирования из лиц, не подлежавших первоочередному призыву по мобилизации.

¹⁰ Ярославский Емельян Михайлович (Миней Израилевич Губельман) (1878—1943) — революционер и советский партийный деятель. В годы войны являлся автором многих пропагандистских антинемецких статей, входил в состав президиума Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Лауреат Сталинской премии СССР (1943 г.).

не хватало. Стали производить в первую очередь противотанковые гранаты, заряжали бутылки горючей жидкостью. Особенно в Макеевке много этого производилось. Она снабжала другие районы. Гранаты были и противопехотные. Причем по качеству гранаты неплохие.

У нас в Сталино тоже производились гранаты. Секретарь горкома нашего поехал делать испытания. Получился преждевременный взрыв, и он был убит.

Тогда я беседовал с управляющим [трестом] Красноармейскуголь тов. КРАВЧЕНКО. Они тоже производили гранаты, причем у них гранаты получались неплохие. Они тоже начали готовить некоторые другие виды оружия, неплохо получалось. Что они делали, я не знаю, потому что я скоро выехал. Инициатива в части вооружения начала проявляться, но было поздно. Народ на производстве делал все, не только давал добычу, давал вооружение, которое был в силах сделать, и снабжал все наши предприятия этими средствами вооружения.

Я был свидетелем в районе Волновахи такого момента. Это было в конце сентября. Я был командирован в район Волновахи на укрепрайон, в район Большой [...] ¹¹, Старо-Керменчик. Со мною поехал тов. БОРИСЮК. Сидели вечером. Раздается сигнал, что высадился десант. Я не говорю о милиции, НКВД, а говорю об истребительном батальоне. Немедленно были поданы машины грузовые, немедленно был собран истребительный батальон. Там были коммунисты, беспартийные. Он был вооружен, были пулеметы, винтовки. Ночью выехали в указанное место. Из окружающих сел вышли также три села, организованные в истребительные батальоны. Пока подъехали машины, колхозники наши уже были на месте, кто чем был вооружен, кто вообще был без оружия. Там прочесали весь лес, прошли, посмотрели, где, что, как. Не подтвердилось, что высадился десант, но и не подтвердилось, что не высадился.

В Ольгинском районе немецкий самолет приземлился, вынужденная посадка. Колхозники сами ловили немецких летчиков.

Таким образом, как рабочие, так и колхозники в эти дни занимались очень много военным обучением, вели борьбу с высадкой десантов. Народ был этим воодушевлен, огромная масса была за то, чтобы усилить борьбу.

Как тогда собирался к нам на лекцию народ? Перед лекторами обкома была поставлена одна задача. Тогда у нас был тов. КИГИНЬКО. Он говорил, что лекции должны быть короче, ярче и чтобы они носили характер призыва. [л. 2 / с. 3] Лекции должны быть 30—40 минут, и она должна быть так насыщена, чтобы поднимать патриотизм народа, и нужно учитывать настроение массы.

Я объезжал ряд шахт Снежнянского района. Там же я и в колхозах был. Как только лекция о текущем моменте, людей всегда полно. Тов. КЛИНДУКОВ читал последнюю лекцию 10 октября, почти накануне отхода наших, и то рабочих было полно.

Верили рабочие в нашу силу? Верили, безусловно, но они требовали от нас только одного. Когда товарищ Сталин выступил по радио, там ничего не было

---

¹¹ Неразборчивая надпись чернилами поверх слова, набранного на пишущей машинке.

непонятного для рабочих. Они понимали причины отхода войск и причины немецкого наступления. Они требовали от нас только одного — вооружение и второе, чем помочь нам этой борьбе с немецким шпионажем. Эту борьбу не только вели взрослые, но и дети.

Эти вопросы мы поставили перед тов. Ярославским. Вот я приезжаю на рабочее собрание. Мы начинаем рабочих призывать. Они откликаются, говорят: «Мы это хорошо знаем, — как правило, на собраниях была не молодежь, а рабочие кадровые, — но вы нас вооружите. Дайте оружие, а тогда мы будем разговаривать». Когда мы поставили этот вопрос перед Ярославским, говорят, что нужно лучше работать. Это примерно первые месяцы войны. Но когда немец уже был на Днепре, по Донбассу, по призыву партии стали другие задачи — это строить укрепленные районы. Как на это откликнулись? Мы август были на окопах, в середине сентября к нам приехал тов. Ярославский. Я на окопах был целый месяц. В конце августа мы, очевидно, выехали на строительство рубежа. Как на это дело пошли? Выезжали все, и рабочие, и учителя, и подростки, и женщины. Выехало 5 тыс. человек. Я был с трестом Красноармейскуголь — это Попасное, село Григорьевка, за Павлоград. От Днепра мы были километрах в 40. Наши товарищи выехали с другими трестами. Всего на строительстве было тысяч 400 народу, а линию мы занимали 350 км, от Азовского моря до Харькова. В стык с нами работали колхозники Харьковской области. Строили сплошной противотанковый ров 7 метров шириной и 3 метра глубиной. Успели вырыть только один ров, а нужно было сделать три таких и между ними сделать различные гнезда, хода, укрепления. Работали мы там до 10 часов. Большинство работало очень хорошо. Грязь, дождь, погода тяжелая, все равно работали. Только в проливной дождь не работали. Начали работать с первой половины августа. Начинать работать с 7 часов утра и до 6 вечера, до темна.

Управляющий трестом был управляющим строительством, заместитель главного инженера был главным инженером на строительстве. Заведующий шахтой — начальник участка строительства. На большинстве шахт были работы прекращены. Оставлены были более производительные шахты. Подсобные силы были сняты и посланы на укрепленные районы. Каждый трест выезжал с своими материалами, своей тягловой силой, Автомашины, лошади, лопаты и лесоматериал, то, что нужно для строительства, привозил с собой каждый трест, и ехали эшелонами.

Было организовано общественное питание. На каждом участке своя кухня. Питали три раза в день. Питание было хорошее. Тогда мяса было много, особенно свиней. Гнали их с Запорожья. Приходит дядька, предлагает свиней, «дайте только справку, что я их вам сдал». На каждого рабочего варили по полкилограмма мяса.

У нас была линия 13 км. Я не мог бывать на каждом участке, но я знал, где что есть. Приходят рабочие и говорят: [л. 2 об. / с. 4] — Товарищ Губарев, на таком-то участке такой-то рабочий ведет контрреволюционную работу. Если вы их не уберете, мы сами их изобьем.

Таких человек пять было, остальные работали замечательно. Если только на что жаловались, так на то, что у нас иногда были перебои с хлебом.

Так мы работали почти до самого занятия [немцами] Сталино. Нам предложили оставить ту линию. В конце сентября, когда был тов. Ярославский, нас сюда вызвали. Я оттуда выехал. Наши еще оставались там работать. Я пробыл там с месяц. Когда я туда приехал, выехал в Волноваху, потом перешли к Марлинскому району. Я часть наших перебросил к Лозовой.

Там один эшелон накрыли немцы, разбомбили, человек 200 тяжело ранено было. Когда мы работали за Днепром, нас обстреливали, но попали не по нам, а убили три овцы. Когда идет самолет, все ложились. Один раз летел самолет, начали обстрел. Когда они улетели, послали людей узнать, а там наши люди работали. Они попали только в овец.

В отдельных местах этот рубеж сыграл большую роль. Например, за Павлоград были большие бои и остановились там только за нашими укреплениями. Шла сплошная канава.

Я встречал отдельных бойцов, которые участвовали в боях под Павлоградом. Они говорили, что эти укрепления сыграли большую роль. Там очень долго защищали, и неплохо это было организовано.

Потом я поехал в Волновахский район. Это уже километров 60 от Сталино, километрах в 7—8 от Волновахи.

Третьи укрепления были по сути в самом Сталино в районе Марьинки. Сам город готовился к обороне. На улицах города были сделаны противотанковые ежи.

К нам приехала [лекторская] бригада тов. Ярославского: Ярославский, ЮДИН¹², ПАНКРАТОВА¹³, МИНЦ¹⁴. Тов. Ярославский сделал доклад для городского партийного актива, потом по другим крупным городам. Мне пришлось быть на собрании партийного актива Харцызского¹⁵ района, где доклад делала тов. Панкратова. Доклад она сделала хороший, если не перехвалить, лучше, чем Ярославский, в той части, что она дала материала больше. Тов. Ярославский был очень скромным. Он не скажет ничего лишнего, говорил только то, что есть в газетах, только обобщал. Панкратова дала несколько полнее, показала положение на фронте, сказала, что наши уже сдали Выборг, чего не было в печати, что финны принимали активное участие в боевых действиях, что подошли к Ленинграду, серьезная угроза, какие задачи стоят, какое положение создалось.

---

¹² Юдин Павел Федорович (1899—1968) — партийный и советский руководитель. В 1937—1947 гг. директор Объединения государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ); в 1939—1944 гг. директор Института философии АН СССР. В годы войны активно занимался пропагандистской деятельностью.

¹³ Панкратова Анна Михайловна (1897—1957) — советский историк, член-корреспондент (1939), академик АН СССР (1953). В годы войны активно занималась пропагандистской деятельностью.

¹⁴ Минц Исаак Израилевич (1896—1991) — советский историк, член-корреспондент (1939), академик АН СССР (1946).

¹⁵ Так в тексте.

На этом собрании очень многие выступали, и тов. Панкратовой было много вопросов задано о положении на фронте, о причинах отхода. Народ интересовался всесторонне положением вещей, как мы готовимся сейчас к тому, чтобы вести борьбу с наступающей фашистской армией. На этом собрании многие коммунисты изъявили желание добровольно вступить в армию. Партийный актив прошел на небывалом подъеме впервые в истории харцисской партийной организации.

Из Харцисска¹⁶ я выехал в Амвросиевку, где делал доклад для партийного актива и на общегородском собрании.

Там был сбор коммунистов как никогда. На обычные лекции, когда мы раньше приезжали, приглашают-приглашают, тот занят, другой, а тут был полный театр. Если я обычно читал лекцию час, то на сей раз я читал лекцию три часа. Говорил о докладе Ярославского, о докладе Панкратовой. Народ очень интересовался положением на фронте, где что делается. Тогда еще не были изъяты радиоприем[л. 3 / с. 5]ники, много народу слушало немецкие сообщения¹⁷. На собрании мне ставят вопросы по этим передачам. На этом партийном активе, когда стал вопрос о времени моего доклада, сказали, что время не ограничивают, но только вы нам расскажите все как есть. Мы хотим знать действительное положение на фронте, положение нашей Красной Армии, силу и мужество нашего вооружения, способность нашей обороны и что будет предпринято к тому, чтобы нас вооружили. Этот вопрос был самым назойливым. Мы себя чувствовали в этом вопросе очень неприятно и знали, что он будет обязательно поставлен.

Человек 10 или 15 выступило на этом партийном активе, причем, конечно, не молодежь по возрасту, кадровые рабочие. Они говорили о борьбе с немцами в 1918 году, о их зверствах во время оккупации, что они честно перевыполнили план, готовы работать еще больше в два раза, кроме того, готовы с винтовками спать и защищать родину, но только дайте винтовки.

Вот такая была обстановка. Тов. Ярославскому таких вопросов не задавали, очевидно, стеснялись. Когда мы с ним беседовали, таких вопросов не ставили, но мы перед ним вопрос поставили, что мы выступаем, у нас спрашивают, как нам отвечать. Он пришел к нам в городской партийный кабинет. Партийный кабинет был замечательным, неплохая военная комната, но в ней ничего нет из настоящего оружия. Мы поставили вопрос: дайте пулемет, будем обучать людей. Люди хотели изучать пулемет, винтовку, а это был дефицит. Даже учебные винтовки забрали.

¹⁶ Так в тексте. Правильно — Харцызск, город областного значения в центральной части Донецкой области, железнодорожная станция.

¹⁷ Речь идет о немецких пропагандистских радиопередачах на русском, украинском и др. языках народов СССР, транслировавшихся по радио и имевших целью посеять панику, вызвать межнациональную рознь, дезертирство на фронте, убедить население в непобедимости германской армии и бесполезности сопротивления агрессору. Для недопущения распространения фашистской пропаганды руководством страны было принято решение об изъятии у населения коротковолновых радиоприемников.

Многие рабочие не хотели уезжать. Например, машиностроительный завод Дебальцевский. Правда, много желающих было, но не могли уехать. Во-первых, с транспортом дело было неважное. Я был свидетелем одного такого факта. Выезжал эшелон из Сталино, с которым я выезжал. Приходит одна семья, двое или трое детей. Она сама еврейка, активистка, замечательная женщина. Она со своими узелками пришла, чтобы эвакуироваться. В вагоне нет мест, в поезде нет мест. Там была драма целая. Правда, ее посадили потом.

Когда мы вывозили свои семьи, была лунная ночь. Мы вывозили на Мушкетово. Вся дорога была запружена. Ждет муж с женой, одного несут на руках, другого ведут, из вещей только сумочка за плечами. Народ бросал все и уходил, а тот, кто был неустойчив, имел свою избенку, оставался. В Дебальцеве завод находится при станции. Когда этот завод эвакуировался, он не мог бы, конечно, всех рабочих эвакуировать, но мог бы вывезти больше половины рабочих, не говоря уже о коммунистах. Я сам лично беседовал с директором завода. Дебальцево было загружено эшелонами с лесоматериалами. Он брал эти эшелоны, загонял на завод, лес разгружал, заполнял оборудованием и людьми и вывозил. Он вызывал к себе людей.

— Поедете?

— Нет, не поеду, — и человек 80 коммунистов осталось.

В среднем из Донбасса выехала, пожалуй, четвертая часть, может быть, немножко больше. Я, конечно, не беру колхозы. У меня особое мнение осталось о наших колхозниках, и неважное. То, что я видел своими глазами, когда немцы подходили и как себя колхозники проявляли, не похоже на то, что они колхозники.

8 октября [1941 г.] я, секретарь райкома партии тов. РОГОЖИНСКИЙ и председатель райисполкома Старо-Кельнического района решили поехать по району, когда мы уже не имели никакой связи с нашей областью. Приезжаем в одно село, на нас смотрят:

— А вы что, еще не сбежали?

— То есть как это сбежали? [л. 3 об. / с. 6]

— Так у нас все уже ушли, никакого начальства нет.

Приехали в другое село. Приходим в сельсовет. Никого нет.

— Где начальство?

— Да где-то еще здесь.

Никого не найдешь. Один пришел, второй пришел.

— Как дела?

— Магазин разграбили.

— Как разграбили?

— Пришли, нашумели на нас, магазин открыли и все разграбили.

Я не хочу сказать, что это должно было немцам все остаться, но это был неорганизованный разбор, и кто смел, тот два съел, форма грабежа. Кто смог, тащил по 2—3 кровати, кто диван.

Нам говорят, что в таком-то колхозе зерно делят, драка идет. Правда, было указание обкома выдать зерно колхозникам в счет трудодней. Правильно,

хлеб нужно раздать, но нужно его вначале собрать в степи, который был обмолочен. Часть его сожгли наши, когда отступали, часть осталась.

Подъезжаем к амбару, где лежит хлеб. Колхозники не пошли в степь, а кинулись к амбару.

Около амбара творилась настоящая драка. Несколько здоровых мужчин лезут через головы, женщины в стороне. Нагребут чувал¹⁸ хлеба, несут домой. Женщины многосемейные, которые в колхозе работали, не могут получить хлеба. Мы подъехали:

— В чем дело? Что такое?

Успокоили, побеседовали, но что больше можно сделать. Поговорили с ними.

— Хлеб ваш, никто его брать не думает, все сами его разберете, чтобы не достался немцам, только вы так организуйте, разберите без шума, без крика, без драки.

На селе оказался завод. Раньше он вырабатывал вулканизаторы для починки шин. Во время войны он перестроился. Там было 35 станков. Там был очень хороший парень, коммунист, начальник МТС¹⁹. Он был до последнего дня, держался неплохо. Сама обстановка на него тоже действовала, но, как коммунист, он держал себя замечательно.

Когда приезжаем, он к нам приходит — что делать? Вообще завод-то стоит цел, а был приказ эвакуировать его. Директор завода держал 35 тракторов, чтобы каждый трактор поднял один станок. Директор, парторг взломали каску, — правда, там всего 12 тыс. денег было, — забрали, сели и уехали, оставив завод на полном ходу. Написали два распоряжения, как нам передал директор МТС. Первое, что «ввиду моего временного отъезда временно исполняющим обязанности директора завода назначаю начальника сторожевого охранения завода». Второе распоряжение: «Ввиду того, что с рабочими расчет не произведен, предлагаю своему заместителю произвести с ними расчет натурой». Конечно, рабочие завод делят, кто что тянет.

Мы посоветовались втроем, что делать. Завод был готов к взрыву. Предложили директору МТС взорвать завод. Там ставок большой, какие станки можно, спустить в ставок.

В Старом Керменчике был создан партизанский отряд человек на 80 во главе с начальником НКВД тов. БЫКОВЫМ. Этот отряд был неплохо вооружен, пулеметы [л. 4 / с. 7] были, винтовки, патрон было достаточно, гранаты были.

Была одна машинка получена, вторая на немецком языке, бумага подготовлена.

Но такой тоже факт. Пока немцы далеко, все были дружны. Когда была команда подана 9 октября строиться и, может быть, с боем отходить, правда, немного из отряда, но человек около 10 отсеклось. То винтовки были по рукам, а тут оказались лишние винтовки.

---

¹⁸ Большой мешок.

¹⁹ МТС — машинно-тракторная станция.

— Да нет, — говорит, — домой пошел.

Основная масса осталась, причем партизаны были старые, которые еще в гражданской войне были партизанами, даже возглавляли этот отряд. Я не знаю последствий этого дела, но при мне эти отряды были организованы и документы вручили. В своем большинстве народ был крепкий. Они в последнюю минуту пришли, собрались. Правда, женщины пришли, жены их, дети, слезы и проч., но они держали себя достойно.

Когда мы начали эвакуировать район, приказ командирам всем остаться, так прокурор и судья сбежали без разрешения. Пришли к секретарю, так и так. Он их не отпускает. Когда кинулись к ним, они уже выехали. Но таких единицы, а в основном партийные организации были организованы, население было организовано.

Сюда я приехал [после освобождения от немцев] в октябре 1943 года. Походил по Сталино. Впечатление у меня было неважное. Одно дело, что я читал в газетах, другое дело самому видеть. Вот дом стоит. Если бы это было какое-нибудь военное предприятие, завод. Я начал сразу работать над тем, чтобы подготовить тему о зверствах немцев в Донбассе. В начале ноября [1943 г.] я выехал в Дебальцево, делал там доклад на машиностроительном заводе. Это было первое рабочее собрание. Я делал доклад о 25-й годовщине Октябрьской революции. Большею частью там работают женщины. На собрании было человек 600, зал [всех] не вместил. Набился полный клуб, на дворе стояла публика. Когда повесили портрет товарища Сталина и красный флаг поставили около него, так некоторые женщины заплакали. Меня интересовало, почему они плачут. Они говорят, что «вот, то, что видим, этого два года не видели. Немец нам говорил, что Сталина нет, он выехал в Америку, ограбил, сбежал, что страна продана евреями и проч. Мы не могли нигде свободно ходить, разговаривать; выйдешь, тебя заберут. В 6 часов вечера уже выходить с квартиры не имеем права, на работу гоняли. Если кто не выходит, штраф платили, теперь, говорят, мы опять получили возможность собираться, слушать и смотреть. Сталин на месте, наш красный флаг опять на месте».

Открыли собрание, дали мне слово. Сделал я доклад. Как обычно, заканчивают докладчики лозунгами: «Да здравствует товарищ Сталин, вождь и полководец Красной Армии, наших побед!» Они говорят: «Впервые мы услышали эти слова». Гром аплодисментов. Потом начались выступления рабочих. Вопросов много было задано и о нашем положении, о работе в тылу, как народ в тылу работал, какие условия работы были, о семьях военнослужащих. Интересовались такими вопросами: где сейчас Тельман. Причем этот вопрос очень часто у нас в лекциях встречался, что Тельман отказался от коммунистических идей, что он работает где-то на почтамте и проч.

Когда я на эти вопросы ответил, начались выступления стахановцев. Рабочие с первого дня начали давать такую производительность труда, о которой мы даже не могли мечтать и до войны. До войны, правда, имели отдельные случаи, скажем, Стаханова, Виноградова, но это были единицы, а сейчас

можно найти десятки неплохих показателей. [л. 4 об. / с. 8] Сейчас здесь работают не хуже, если не лучше чем на карагандинских шахтах. Сейчас легче выбрать плохого, чем хороших, потому что плохих единицы.

В Краматорске я беседовал с рабочими на заводе им. Орджоникидзе, литейный цех. Вот ИВАНОВ Павел Михайлович. Ему 46 лет. На этом заводе он работает 36 лет формовщиком. Он выполняет норму на 275%.

Этого он до войны никогда не давал. Когда я его спросил, что ему дает изучение книги тов. Сталина, он говорит, что раньше не знал совершенно, что делается: «во-первых, здесь были немцы, во-вторых, когда пришли наши, мы за два года отстали. Когда начали изучать книгу Сталина и когда с нами тов. ЮРЧЕНКО, пропагандист, стал заниматься, мы знаем, какие перед нами стоят задачи, мы знаем, что от нас зависит разгром врага. А мы это и сделаем. Я могу дать еще больше».

Или РЯДНИКИН Павел Федорович, обрубщик, работает на заводе с 1911 года. 265% у него. ВЫСОЧИН К.Г., мастер, работает с 1910 года, процент такой же самый. ИВАЩЕНКО 54 года, работает с 1908 г., 230% выполняет.

На том же заводе в электро-механическом цехе № 1 ЖИЩЕНКО, мастер, у него бригада 25 человек, и из них нет ни одного, который бы не выполнил 150—200%. Оставался здесь при немцах. Когда немцы пришли, говорит: «Нас созвали всех. Причем предатель там был, зная, что я работал. Пришли прямо на квартиру. Нам говорят, что нужно завод восстанавливать. Как только электроэнергию выключат, так мы кто куда с работы. Козловой кран бригадой разобрал 6 месяцев».

Этот кран должен был пойти в «капитальный ремонт», но, очевидно, немцы думали вывезти его, потому что он был исправный. «Мы, — говорит Жищенко, — его разобрали, но после никак не могли его собрать. Во-первых мы все важнейшие части спрятали. Потом, — говорит, — приезжает ко мне на квартиру немец, директор завода. Заходит ко мне. Я, — говорит, — не успел сбежать. Спрашивает: на таком-то станке работал? Я замечательно его знаю. Говорю: я его не знаю. Нужно шесть станков разобрать, чтобы в Германию отправить. Так и не нашли мастера, чтобы разобрать этот станок».

Приходят наши. Жищенко является на завод первым.

«Я хочу, — говорит, — на заводе работать и создавать силы для Красной Армии». Они себя чувствуют здесь все несколько виноватыми, потому что здесь остались. Но данный товарищ абсолютно ничем не запачкан. Собрал свою бригаду. Этот же кран, который они 6 месяцев разбирали, они собрали за 6 дней без капитального ремонта и сейчас этот кран на заводе действует. Причем эта беседа у меня происходила не один на один, а в присутствии парторга завода тов. ЛУГОВОГО и начальника цеха тов. ЛИСИЦКОГО И.И. Я обратился к начальнику цеха, правильно ли он рассказывает. Тут еще рабочие сидели. Говорит: совершенно правильно, так и было.

У этого Жищенко немцы убили сына 3 ½ лет на руках у него. Немец стрелял в него, а попал в голову сынишки Василия.

Что этот товарищ еще сделал со своей бригадой?

Сам он беспартийный. Во-первых, он всех 25 человек организовал на хорошую работу. Они все организовано, регулярно изучают книгу тов. Сталина, всей бригадой читают последние известия, слушают, читают газеты, жур[л. 5 / с. 9]налы и делают свои выводы. «Если, — говорит, — у нас чего не хватает для бригады, я, — говорит, — приду, вырву у начальника цеха». Я к нему обращаюсь:

— Вы у начальника цеха вырываете или он вам помогает?

— Нет, мы не вырываем, но мы не хотим сидеть без работы, приходим к начальнику цеха, и он нам помогает.

На собрании люди брали на себя конкретные обязательства. Настроение Дебальцевского завода характерно для других заводов. Я был на Зугресе²⁰. Там есть замечательный начальник котельного цеха, подлинный коммунист, начальник строительного цеха, беспартийный и начальник электроцеха, коммунист. У них было совещание техническое. Рабочих не хватает, но они не говорят, что не смогут сделать. Рабочие говорят: «Вы дайте нам быстро очистить здесь». Начальник котельного цеха говорит:

«Вы скорее кончайте, а то нас задерживаете». Друг друга рабочие подгоняют. Там есть еще начальник монтажного цеха, который здесь оставался. Они привезли подъемный кран из Кураховки²¹. Они в короткий срок переделали кран, работали по 16 часов.

Рабочие работают, гуток их не интересует. Они что наметили себе, сделали, идут, пару часов поспят, опять идут работать. У строителей задание не на 8 часов, а на солнечный день, и они это дневное задание выполняют на 200—300—400%.

В Донбассе появилось много немецких шпионов перед его сдачей [Красной армией в 1941 г.]. На целом ряде предприятий разбрасывали листовки фашистские и работали враги. Были такие факты в Горловке. Например, женщины организовано ходили в горком и горсовет, требовали, чтобы их мужей вернули из укрепрайона, что там их мужей перебили. Это было в Красноармейске. Народ сам в большинстве случаев выявлял, кто распространяет эти слухи. Но были такие, которые прятали листовки. Основная масса рабочих Донбасса и основная масса людей, интеллигенции оставалась преданными до самых последних дней. Сейчас существует такой термин «трофейные». Так называют тех, кто оставался здесь при немцах и их сейчас освободили. Такая кличка их очень оскорбляет. Многие рабочие чуть ли не до слез доходят, когда их так называют.

Сейчас есть и плохие настроения. Это относится к людям, которые приспособились к немцам, людям, у которых немцы жили на квартирах. Они сейчас говорят: «Да что, сейчас хуже стало, мы лучше жили, немцы нас не тро-

---

²⁰ Правильно Зугрэс — город в Харцызском районе Донецкой области.

²¹ Кураховка — поселок городского типа в Донецкой области.

гали, никого не расстреливали». Когда начнешь говорить: «А такого-то они расстреляли?» «Да, мы не знаем, их взяли куда-то, а кого мы знаем, не расстреливали и даже ничего у них не взяли». Это один тип. Второй тип смотрит так. Вот идут по гор[оду] Сталино, коробки [от сгоревших домов] стоят, и они говорят вслух: «Здесь немцы не виноваты, война, а раз война, все положено делать и жечь, и разрушать. Их заставляют». Третий тип: немцы неплохие сами, хорошие, а вот румыны, итальянцы, этот народ сволочь, те и насиловали, и грабили, убивали, и немцы их даже призывали к порядку. Таких разговоров среди рабочих не услышите, а среди интеллигенции они есть. Рабочие по-другому рассуждают. Они говорят: сами немцы не делают, заставляют делать румын, а сами в стороне. Такие факты есть, но это единицы, их все меньше и меньше.

Есть еще один факт, который говорит о большом разврате, оставшемся от немцев, — это взятки. Сейчас приходят, предлагают взятку милиционеру, прокурору, следователю, виноваты они или не виноваты, безразлично. Я недавно читал лекцию в 11-м отделении милиции. Говорят, много преступлений и среди них многие предлагают взятки. Вот приходит пожилая женщина, заявляет: у меня похитили паспорт. Начальник милиции говорит: «Я поручаю своему уполномоченному расследовать факт». Тот вызывает эту женщину. Она приходит к нему, приносит 200 руб. Он [л. 5 об. / с. 10] спрашивает: зачем? Гостинец. Он берет деньги, говорит: посидите у меня, я сейчас приду. Приходит к начальнику милиции, рассказывает. Тот говорит: вызови эту женщину. Когда она пришла, он говорит: «Вы зачем это делаете? Мы люди советские и получаем зарплату от советского государства, а если нам мало, мы будем ставить вопрос перед нашим правительством». Она начала плакать: «Родненькие, деточки мои, простите, мы к этому привыкли». Идет к полицейскому, за чем бы ни шла, обязательно берет с собой яички, водку. Не принесешь, не сделает. «Так, — говорит, — думала, и сейчас».

Один пишет своему товарищу письмо, что подходит скоро их праздник, — это было накануне октябрьских дней, — но что этот праздник дает? Ничего. «Раньше я мог себя обеспечить и других, — он спекулировал, — а сейчас, — говорит, — я не могу себя обеспечить, семью не могу обеспечить, и на работу меня гонят. Зачем, — пишет, — мне такой праздник!»

Рукопись заверена 3 июля 1944 г., подпись Губарева с расшифровкой.